

В.М.Панеях

Яков Соломонович Лурье и петербургская историческая школа

Яков Соломонович Лурье, как любой другой крупный ученый, был связан в своем творчестве с определенной традицией, которой следовал и которую развивал и обогащал.

Он родился в семье одного из известнейших отечественных ученых-античников Соломона Яковлевича Лурье¹. Влиянием отца в значительной мере определился для Я.С. выбор профессии. Я.С. учился в Ленинградском университете в то время, когда, по его собственным воспоминаниям, «в научной жизни исторического факультета» сказывалось расхождение «между “бытием” и “сознанием” 30-х годов». Следствием этого была «пестрота преподавательского состава». Главные фигуры, разрабатывавшие в ГАИМКе и близких к нему учреждениях основные теоретические принципы, ставшие «незыблемой основой [советской. – В.П.] исторической науки <...> были уничтожены в 1936 г.», но «в число профессоров истфака попали гаимковские “спецы”, попутчики» и более молодые – «бывшие аспиранты ГАИМКа», рядом с которыми «появились люди совсем иного круга» – «те, которых недавно именовали “буржуазными историками”», в том числе «медиевисты И.М.Гревс <...> и О.А.Добиаш-Рожественская, русские историки С.Н.Валк и Н.Ф.Лавров, пережившие бури предшествующих лет в Историко-археографической комиссии (потом – институте)», вернувшиеся из ссылки Е.В.Тарле, М.Д.Приселков и С.Н.Чернов. Странная возможность «существования истфаковских Афин среди воплощенного в жизнь Апокалипсиса определялась <...> тем, что некий *modus vivendi* сохранялся не только в составе профессоров, но и в самой науке»: «Рамки были установлены, но само их существование ограничивало дальнейшие опыты чистого теоретизирования, и открывалась возможность занятий конкретными вопросами»².

Именно в этой обстановке и происходило формирование Я.С. как профессионала-историка. Сам он считал себя учеником знаменитого историка и источниковеда М.Д.Приселкова, безвременно скончавшегося в 1941, незадолго до окончания Я.С. исторического

¹ Об отце Я.С. написал книгу и опубликовал ее под псевдонимом в Париже на русском языке: *Котржива-Лурье Б.Я. История одной жизни*. Paris, 1987.

² *Котржива-Лурье Б.Я.* Указ. изд. С.162–163.

факультета Ленинградского университета. Его заветам Я.С. был неизменно верен, много сделал для увековечения памяти своего учителя, написал ряд статей о нем³, руководил работой по переизданию последней книги М.Д.Приселкова, являясь ее ответственным редактором, автором предисловия и примечаний⁴, был инициатором и участником издания Радзивиловской летописи, подготовку которой начал и значительно продвинул М.Д.Приселков⁵, чьи материалы сохранились в его личном фонде.

Профессиональное становление Я.С. как специалиста по русскому летописанию происходило и под мощным влиянием трудов А.А.Шахматова, который коренным образом реформировал летописное источниковедение. Его наследию Я.С. посвятил ряд работ⁶, неизменно отстаивая научные принципы анализа летописей, разработанные А.А.Шахматовым⁷.

Все они – и М.Д.Приселков, и А.А.Шахматов (в той его ипостаси, которая относилась к летописному источниковедению), и другие ученые, у которых посчастливилось учиться Я.С., и С.Я.Лурье – принадлежали к одному научному направлению – знаменитой петербургской исторической школе.

Она формировалась на протяжении XIX – начала XX в. Наиболее полного воплощения и вершинных достижений петербургская историческая школа достигла в дореволюционные десятилетия. На этот период приходится расцвет научного творчества таких крупнейших ученых, специализировавшихся в области истории России, какими были С.Ф.Платонов, А.С.Лаппо-Данилевский, А.А.Шахматов, М.П.Павлов-Сильванский, А.Е.Пресняков и многие другие⁸.

³ Лурье Я.С. Михаил Дмитриевич Приселков – источниковед // ТОДРЛ. Т.18. М.; Л., 1962. С.464–475; *Он же*. М.Д.Приселков // Советская историческая энциклопедия. Т.11. М., 1968. Стлб.572; *Он же*. 50 лет книге «История русского летописания XI–XV вв.» М.Д.Приселкова // Памятные книжные даты. М., 1990. С.59–62; *Он же*. Михаил Дмитриевич Приселков и вопросы русского летописания // Отечественная история. 1995. №1. С.146–159.

⁴ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. Изд. 2-е. СПб., 1996.

⁵ ПСРЛ. Т.38. Л., 1989.: Радзивиловская летопись / Предисловие Я.С.Лурье, редакционная коллегия: М.П.Ирошников, М.В.Кукушкина, Я.С.Лурье. Издание подготовлено М.Д.Приселковым, О.П.Лихачевой, Р.М.Мавродиной и Е.К.Пиотровской.

⁶ Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории: 1975 год. М., 1976. С.97–107; *Он же*. Схема истории летописания А.А.Шахматова и М.Д.Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Т.44. Л., 1990. С.185–195.

⁷ Лурье Я.С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. Т.36. Л., 1981. С.13–36; Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения летописей // Вопросы истории. 1973. №8. С.194–203.

⁸ Подробно об истории формирования петербургской исторической школы в Петербургском университете см.: Валк С.Н. Историческая наука в Петербургском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии Ленинградского государственно-го университета: Секция исторических наук. Л., 1948. С.3–79.

Именно А.Е.Пресняков сформулировал основные принципы этой школы и указал на ее отличие от других научных исторических школ. Доминирующую черту школы он определил как «научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном непосредственном отношении к источнику и факту – вне зависимости от историографической традиции», в восстановлении прав источника и факта, получающих более полное и непосредственное значение вне подчинения их подбора, анализа и построения какой-либо заранее установленной схеме, вне социологического догматизма, вредящего критическому отношению к источникам. А.Е.Пресняков отметил, что в трудах представителей так называемой юридической школы при исследовании ими процесса формирования Русского государства в XV в. «теоретический подход к материалу <...> обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, но не из них выведенной схемы, защищаемой историко-социологической доктрины». В результате эти историки отбирали заведомо менее достоверные источники, в частности отдавали предпочтение поздним летописям, отказываясь от более ранних исключительно потому, что они «лучше иллюстрировали принятую схему»; «господство теоретических построений <...> привело к такому одностороннему подбору данных, при котором отпадало из комплекса все то, что не годилось для иллюстрации установленной схемы, не подтверждало ее предпосылок». Эта система исторического мышления, по мнению А.Е.Преснякова, сложилась «под влиянием немецкой идеалистической философии и представляет собой отражение гегельянства»⁹.

Петербургская историческая школа фактически была противопоставлена А.Е.Пресняковым московской, которую он отождествил с «юридической школой» и которая, в частности, отличалась большей идеологизированностью, склонностью к систематизации, вследствие чего материал, подбираемый из источников, не играл подобающей ему существенной роли и подход к нему страдал излишней теоретичностью. При этом представители петербургской исторической школы не предавались, по выражению А.Е.Преснякова, самообману, будто анализ источников возможен «помимо всяких социологических и исторических предпосылок: мысль исследователя не *tabula rasa*, и материал, им изучаемый, дает ответы только на те вопросы, которые ему этой мыслью поставлены». Но «научный реализм требует, чтобы вопросы ставились в зависимости от свойств изученного материала, а не навязывали ему того, чего он – будь то летописные тексты, великокняжеские духовные грамоты и т.д. – дать не может, по основному своему характеру»¹⁰.

⁹ Пресняков А.Е. Образование Великоорусского государства в XIII–XV столетии. Пг., 1918. С.25–26; *Он же*. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великоорусского государства». Пг., 1920. С.5–6.

¹⁰ Пресняков А.Е. Речь перед защитой... Указ. изд. С.6.

Все эти принципы, которыми руководствовались в своей работе представители петербургской исторической школы, стали методологической основой научного творчества Я.С., сумевшего не только подготовить много трудов, ставших образцами их практического применения, но и продолжить начатый его предшественниками анализ теоретического базиса этой методологии.

Если А.Е.Пресняков, направляя свои критические стрелы против «юридической школы», имел в виду прежде всего С.М.Соловьева и В.О.Ключевского как ее выдающихся представителей, то Я.С. показал, что С.М.Соловьев в своих взглядах на внутреннюю критику источника во многом находился под влиянием «скептической школы», в частности М.Т.Каченовского (а также Н.И.Надеждина), чей скептицизм, «смущавший носителей николаевской реакции, был по существу весьма ограниченным», поскольку достоверность свидетельств у него определялась всего только в их сопоставлении «с некой общей, установленной а priori системой исторического развития», определявшейся «характером времени», «историческим ходом происшествий», «духом времени» и «внутренними условиями жизни», из которых, по Н.И.Надеждину, даже допустимо «выводить не только “отрицательную”, но и “положительную” возможность факта, <...> “хотя бы он опирался на предания, не удовлетворяющие требованиям нынешней внешней критики”. Такой априорный подход к критике источников, отмечал Я.С., «легко может завести историка в порочный круг, когда исследователь заранее устанавливает некую систему представлений, соответствующих “ходу народной жизни” или “духу времени”, а затем отыскивает соответствующие факты в источниках (хотя бы “мутных”), отвергая остальные как противоречащие этому “духу”»¹¹.

Вслед за А.Е.Пресняковым не отвергая значения социологических и исторических предпосылок изучения источника, Я.С. указывал на их строгие границы: «Философские и общечеловеческие предпосылки указывают на возможность и вероятность тех или иных фактов, определяющих направление источниковедческих разысканий»¹². Поэтому «исследование источника должно предшествовать выделению из него “вероятных” и “невероятных” известий». Даже если одно из известий в источнике, «чья достоверность внушает сомнения», «совпадает с косвенными показаниями других источников», более того – «правдоподобно», это, как показал Я.С., не дает веских оснований для пересмотра отношения к источнику в целом, так как «“правдоподобие” – опасная категория; совпадение между показаниями источника и “общей постановкой” может быть

¹¹ Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. Вып. I. М., 1973. С.79–80.

¹² Лурье Я.С. Критика источника и вероятность известия // Культура Киевской Руси. М., 1966. С.123.

случайным»¹³. Соотношение между теоретическими построениями и эмпирическим материалом в исторических исследованиях рассматривалось Я.С. и в связи с имевшими место попытками устанавливать факты и выводить концепции путем применения дедуктивного метода. Наиболее заметным современным адептом этого метода был Л.Н.Гумилев, чьи труды, построенные на основе преимущественного использования дедукции, получили широкое распространение и породили большое число последователей, введенных в заблуждение легкостью, с какой автор разрешал труднейшие проблемы исторической и этнографической наук. Именно это обстоятельство подтолкнуло Я.С. к выступлению не в профессиональном, а литературно-художественном журнале с критикой его трудов. На примере истории Древней Руси Я.С. вскрыл сущность примененной Л.Н.Гумилевым методики и пришел к выводу о вненаучном характере его аргументации и выводов¹⁴.

Я.С. показал, что приоритет дедукции над индукцией в процессе установления фактов возвращает историческую науку к тем методам, от которых отказалась петербургская историческая школа, порвавшая с всеподавляющим приоритетом теории и априорных схем.

Элемент такого подхода Я.С. обнаружил и в работах польского историка Е.Топольского, который ввел в историческую науку понятие «внеисточниковое знание»¹⁵. Хотя Е.Топольский и оговорил, что это определение не имеет в виду абсолютно априорное знание и что «в конечном счете все человеческое знание основывается на источниках»¹⁶, он решительно отверг их фетишизацию и эрудиционализм, которые, по его мнению, весьма распространены среди историков.

Я.С. согласился лишь с тем, что в данной связи речь может идти только о знании, полученном «вне данного источника»¹⁷. Но он категорически настаивал на ограничениях и пределах «применения дедукции в историко-филологическом исследовании». «Внеисточниковое», как и всякое теоретическое знание, утверждал Я.С., имеет только эвристическое значение: «<...> исследователь разыскивает и устанавливает не все исторические факты, число которых бесконечно, а те, которые связаны с областью его исследования, с поставленным им вопросом»; это относится и к синтезирующему историче-

¹³ Лурье Я.С. Критика источника и вероятность известия. Указ. изд. С.125.

¹⁴ Лурье Я.С. Древняя Русь в сочинениях Л.Н.Гумилева // Звезда. 1994. №10. С.167-177.

¹⁵ Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1968; Topolski E. Methodology of History. Warszawa, 1973; Топольский Е. О роли внеисточникового знания в исторических исследованиях // Вопросы философии. 1973. №5.

¹⁶ Там же. С.78.

¹⁷ Лурье Я.С. Логические основы критики источника // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1985. С.39.

скому построению, основывающемуся «не на единичных фактах, а на целой системе фактов и общих, установленных обычно вне данного исследования, положениях»¹⁸. Разумеется, вопросы, которые ставит историк, «вытекают из общей системы его знаний и исследовательских интересов». Однако, если достоверных свидетельств о них в источниках нет, то «исходить следует в этом случае не из абстрактного “знания, основанного на источниках”, а из сведений о конкретном источнике или источниках», ввиду чего, приходит к выводу Я.С., «данные “внеисточникового знания” не имеют доказательного значения»¹⁹.

Следуя в русле петербургской исторической школы, Я.С. многократно отстаивал положение, согласно которому в основе всякого факта, обнаруженной закономерности лежит только источник, подвергнутый внутренней и внешней критике, который является единственной эмпирической основой наших исторических знаний. Поэтому «разработка единых последовательно продуманных принципов источниковедческой критики – важнейшая задача исторической науки»²⁰.

Петербургская историческая школа провозгласила и последовательно проводила в жизнь принцип предварительного, до установления отдельных фактов, исследования привлекаемых источников. А.А.Шахматов, в частности, пришел к выводу о необходимости комплексного изучения летописных сводов как литературных памятников, работы «над литературным составом источников», чтобы лишь затем прийти к «выделению исторических фактов»²¹. Но, как отметил Я.С., такой подход не ограничивается датированием источника, определением его происхождения, состава, назначения, уровня осведомленности, а предусматривает также разбор отдельных известий, сопоставление с другими памятниками и определение степени тенденциозности. Поэтому «анализ известий и исследование памятника идут параллельно и объединяются в окончательном выводе». Если же «выводы, полученные из этих аналитических операций, приходят в противоречие друг с другом», тогда «перед исследователем встает вопрос о соотношении отдельных этапов источниковедческой критики – о том, что именно служит основой для окончательного вывода: анализ конкретного известия или общая характеристика источника». Для Я.С. ответ на него бесспорен: только суммирование двух групп наблюдений – «данных, относящихся к самому памятнику», «его структуре, истории текста и т.д.», с одной стороны, и, с другой, – «наблюдений над его отдельными показаниями» дает право исследователю «строить общую характеристику

¹⁸ Лурье Я.С. Логические основы критики источника. Указ. изд. С.35.

¹⁹ Там же. С.38.

²⁰ Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников. Указ. изд. С.100.

²¹ Цит по: Пархоменко В. З листування з акад. О.О.Шахматовым // Україна (Київ), 1925. Кн.6. С.127.

источника <...>, а уж от нее переходить к выводам о достоверности отдельных фактов».

К мысли о необходимости упреждающего исследования летописей А.А.Шахматов пришел, основываясь на факте, установленном в общей форме еще до него, – об отражении в летописях «политических страстей и мирских интересов». Но проведение в жизнь этого принципа не только сложно и трудоемко. Историк, отмечает Я.С., установив «острую пристрастность» источника, «его относительно поздний или легендарный характер», обязан «ставить под сомнение выводы», которые ранее «казались исследователю вполне вероятными»²².

Я.С. беспокоила та оппозиция, которая «не раз высказывалась в теории» «такому обременительному методу» и еще чаще проявлялась в «практике работы над источником»²³. Облегчающий выход был найден в прямом, без промежуточных исследовательских процедур, переходе «от отдельных известий <...> к заключению о вероятности факта», не принимающем во внимание подозрительность, недостоверность или позднейшее происхождение источника в целом при отбрасывании из него только того, «что противоречит естествознанию и логике», и оставлении всего остального. Такое «короткое замыкание»²⁴, как определил этот способ аргументации Я.С., в трудах современных исследователей встречается не так уж редко и превратилось в печальную историографическую традицию²⁵. Я.С. в этой связи обратил внимание на термин «потребительское отношение к источникам», характеризующий данную тенденцию и употреблявшийся в 1920–1930-х в среде представителей петербургской исторической школы, в том числе М.Д.Приселковым²⁶. В печати же впервые он был применен С.Н.Черновым в отношении методов работы Б.Д.Грекова во время обсуждения его доклада «Рабство и феодализм в Киевской Руси»²⁷. Я.С. в своей статье «Критика источника и вероятность известия»²⁸ сослался на выступление С.Н.Чернова и впоследствии многократно оперировал им, анализируя и критикуя работы своих предшественников и современников.

Одна из труднейших задач источниковедения – анализ сомнительного источника (остро тенденциозного, либо относительно позднего) с целью выявления «заслуживающих доверия известий»²⁹. Я.С. считал, что «определенная информация может быть извлечена из любого, даже и из крайне тенденциозного источника». Один «из

²² Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников. Указ. изд. С.86–87.

²³ Там же. С.82.

²⁴ Там же. С.91.

²⁵ Там же. С.89.

²⁶ Лурье Я.С. Предисловие // Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. Указ. изд. С.29, 259.

²⁷ Известия ГАИМК. 1934. Вып.86. С.111–112.

²⁸ С.122.

²⁹ Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников. Указ. изд. С.92.